

**ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ
В ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**
**CIVILIZATIONAL ANALYSIS
IN HISTORICAL-SOCIOLOGICAL PERSPECTIVES**

А.В. Малинов

**КОЧЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ***

A. Malinov

**SIBERIAN REGIONALISTS' CONCEPTION
OF NOMADIC CIVILIZATION**

Статья посвящена анализу сибирскими областниками, прежде всего Н.М. Ядринцевым и А.П. Шаповым, обоснованию специфики кочевой цивилизации, ее места в истории мировой цивилизации, вклада кочевников в историю мировой культуры.

The paper focuses on the analysis of the Siberian regionalists, primarily, N.M. Yadrintsev and A.P. Shchapov, the foundation of the specifics of the nomadic civilization, its place in the history of world civilization, the contribution of the nomads in the history of world culture.

Ключевые слова: *кочевая цивилизация, регионализм, история, культура.*

Keywords: *nomadic civilization, regionalism, history, culture.*

Областничество нельзя отнести к хорошо изученным темам в истории отечественной общественной и социологической мысли, хотя как общественное и интеллектуальное движение оно просуществовало до начала 1920-х гг., а в среде русской эмиграции — вплоть до Второй мировой войны. Возникло областничество в Санкт-Петербурге в конце 1850-х — начале 1860-х гг. Название же этого движения закрепилось лишь в начале 1890-х гг. До этого времени использова-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Трансформация цивилизационной идентичности современного российского общества»), проект № 10-03-00840а.

лись такие обозначения как «местный патриотизм» или даже «сепаратизм» (украинский, сибирский), чему способствовало и дело об «отделении Сибири от России», фактически сфабрикованное омским полицейским начальством в 1865 г. В результате большинство сибирских областников были приговорены к различным срокам каторги и ссылки. В начале XX в. для пояснения сути областнического движения Г.Н. Потанин использовал выражение «культурный сепаратизм».

Идеология и философия областничества сформировались под влиянием нескольких философских и общественно-политических учений: славянофильства, позитивизма (прежде всего, учений Т.Г. Бокля, Ч. Дарвина и К.М. Бера) и народничества. В областничестве можно выделить три направления (российское, украинское и сибирское), объединяет которые, по существу, лишь общий политический идеал федерализма (децентрализации). Областничество опирается на идею самостоятельности народа, отстаивает принцип местного самоуправления. Российское областничество (историки-федералисты К.Н. Бестужев-Рюмин, П.В. Павлов, редакция «Камско-волжской газеты» в Казани) не было оформлено организационно и не имело четкой программы. Оно возникло как критическая реакция на централистскую концепцию «государственной школы» в русской историографии, а также игнорирование центральной властью нужд и интересов провинции. В противовес политической истории российские областники призывали разрабатывать историю народа и историю культуры (цивилизации). Украинское областничество (Н.М. Костомаров, М.П. Драгоманов, Кирилло-Мефодиевское общество) имело более выраженную политическую окраску. Впоследствии из него выросла конфронтационная националистическая идеология. Сибирское областничество (А.П. Шапов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков, В.И. Анучин) оказалось наиболее плодотворным по своим результатам, имело четкую программу действий.

Философская составляющая учения областников представлена философией русской истории (К.Н. Бестужев-Рюмин, П.В. Павлов, Н.И. Костомаров, А.П. Шапов), социально-философским учением (С.С. Шашков, М.П. Драгоманов, Н.М. Ядринцев, В.И. Анучин), историко-философскими исследованиями (С.С. Шашков), теорией и историей локальных цивилизаций (Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин). Практическая деятельность и исследования областников были связаны с регионами межнациональных взаимодействий и цивилизационных контактов. Так, в русской истории они усматривали серию особых областных этнических и культурных типов русского народа. Сибирские областники разработали учение о последовательной смене эпох в истории культуры, ввели понятие «культур переходного типа» (Н.М. Ядринцев), показали, что «кочевой быт» — это особый тип цивилизации. В философии истории, социальном учении, теории локальных цивилизаций областники опирались преимущественно на методологию органицизма.

Программа областников была обращена к провинциальной интеллигенции и направлена на изменение ее сознания. Согласно идеологии областничества, интеллигенция призвана отстаивать местные интересы, стремиться к социально-экономическому и культурному развитию регионов. В итоге это должно

привести к духовному пробуждению народа, формой выражения которого будет многообразная культурная деятельность, в том числе и самостоятельное философское мышление — его образцом для областников являлась европейская философия.

Сибирские областники были одними из первых, кто признал ценность кочевого образа жизни и предложил рассматривать кочевой быт в качестве особой цивилизации, имеющей значительные заслуги перед человечеством. Интерес к кочевникам у сибирских областников возник не случайно. Областническая программа включала в себя решение так называемого инородческого вопроса: деятельность областников была связана с территориями межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия с финно-угорскими, палеоазиатскими и тюрко-монгольскими народами. Русская история, колонизация Сибири, а также личный жизненный опыт областников давали многочисленные примеры мирного сосуществования и плодотворного взаимодействия русского оседлого населения и народов, ведущих кочевой образ жизни. Областники не идеализировали сам процесс соприкосновения русской земледельческой культуры с культурами коренного населения Сибири, указывали на некоторые негативные последствия такого взаимодействия, хотя в целом оценивали этот процесс положительно, поскольку полагали, что оседлая культура находится на более высоком уровне развития, чем кочевая культура.

Решение инородческого вопроса предполагало развитие коренных народов Сибири через приобщение к оседлой культуре, знакомство с европейской наукой, а через это и с результатами общечеловеческой цивилизации, формирование интеллигенции сибирских народов. Все это должно было способствовать росту национального сознания сибирских этносов, пробуждению их к гражданской и культурной жизни, что в перспективе должно было принять вид, с одной стороны, различных автономий сибирских инородцев, а с другой, включить коренное население Сибири в процесс формирования сибирского субэтноса великорусского народа. Для русского населения Сибири реализация областнической программы в отношении коренных народов должна была означать гуманизацию жизни в целом.

Решение инородческого вопроса требовало изучения жизни, языка, хозяйственной деятельности, истории коренного населения Сибири. Не случайно один из лидеров сибирских областников — Г.Н. Потанин — был в то же время крупнейшим отечественным исследователем Центральной Азии. Экспедиции Г.Н. Потанина дали богатейший материал по этнографии, фольклору, эпосу центральноазиатских народов, раскрыли богатство их духовной культуры, показали своеобразие их хозяйственной деятельности. Г.Н. Потанин проследил влияние тюрко-монгольского фольклора и мифологии на европейский эпос и литературу. Он отмечал многовековое, продолжительное влияние Востока на Запад, в то время как обратное воздействие Запада на Восток — явление лишь последних веков. Исследователь прослеживал это влияние прежде всего на фольклорном материале.

Программным в этом отношении для областников стал доклад Н.М. Ядринцева 3 марта 1891 г. в Антропологическом обществе в Петербурге «Значение

кочевого быта в истории человеческой культуры», в котором он осудил предрассудок о враждебности кочевого образа жизни культуре и цивилизации. Причина такого взгляда, согласно Ядринцеву, состоит, во-первых, в знакомстве оседлых народов с кочевниками чаще всего во время нашествий и завоеваний. Но кровожадностью во время войн, замечает Ядринцев, отличаются не только кочевники. Во-вторых, оседлое население не беспристрастно судит о кочевом хозяйстве и образе жизни, поскольку претендует на угоды кочевника. Перед исследователями стоит задача беспристрастного изучения «кочевого быта как одной из стадий человеческого развития» (Ядринцев 2000: 254). Обширный материал о кочевниках Южной Сибири содержится в книге Ядринцева «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» (1891), а также в незавершенном труде о культуре угро-алтайских народов, над которым он работал в конце жизни.

Знакомство с коренным населением Северной Азии позволило Ядринцеву сформулировать учение об этапах цивилизационного развития, в котором он особое место уделял культурам «переходного типа». Важное значение для поступательного культурного развития человечества имела и номадическая цивилизация или, как писал Ядринцев, «кочевой быт».

Отмечая стадиальность цивилизационного развития, Ядринцев подчеркивал, что она не означает отрицание предыдущих форм быта. «При переходе от одной стадии к другой, от одних промыслов к другим, — констатирует он, — человек не расстается вполне и с первым. Промыслы только усложняются новыми отраслями. К занятию охотничьему присоединяется скотоводческий, к скотоводческому земледельческий. На высшей степени развития мы видим все занятия: и охотничий, оставшийся от звероловной эпохи, и рыболовный, и скотоводческий; к ним присоединились земледельческий и промышленный... *Культурный прогресс состоит не столько в перемене промысла, сколько в совершенствовании отдельных способов и занятий...* Без сомнения, каждая из эпох развития и господствующее занятие внесло свое знание в последующие периоды. У каждого занятия создавались, кроме того, своя специальность, знание, свой культ, привычки. Каждое занятие влияло на физическое развитие человека, на его способности, как и на его мирозерцание» (Ядринцев 2000: 259). Отсюда понятно, что и кочевой быт сыграл свою значительную роль в культурном развитии человечества. По словам Ядринцева, «услуги, оказанные кочевым хозяйством в истории человечества, несомненны; без этой стадии не могло быть поступательного движения вперед» (Там же: 164).

Формирование кочевого хозяйства и культуры было в первую очередь вызвано влиянием природной среды, необходимостью приспособиться к географо-климатическим условиям. С точки зрения областников, именно географический детерминизм позволял объективно взглянуть на происхождение и формы кочевого быта. Более того, Ядринцев считал, что существующие цивилизационные концепции не только не объясняют, но даже не замечают своеобразия номадической культуры. Причина этого состоит в том, что упускается из виду географо-климатическая специфика тех территорий, на которых возникла и получила распространение кочевая культура. «Страны на периферии

континентов, — писал он, — у их окраин, изрезанные заливами, с обильными стоками, в благоприятных исторических условиях развили богатую культуру и цивилизацию; начало этой теории было применено к Европе. Что касается Азии и Старого Света, то для объяснения ее культурного развития в последнее время явилась теория четырех великих бассейнов. Эта теория флювиальная. Но иную историю представляла жизнь и развитие замкнутых континентов с высокими хребтами, разъединяющими страны, со степями, плоскогорьями, слабо орошаемыми стоками. Но внутренних континентах законы расселения народов следовали особым путям» (Там же: 266). Осмысление кочевого быта в качестве самобытной цивилизации требует пересмотра основ географо-антропологической науки.

Природно-климатические условия юго-востока Великороссии и Сибири А.П. Щапов в работе «Историко-географическое распределение русского народонаселения» называл «обширным солончаково-растительным оазисом степей». «Взгляните на всех этих разноплеменных номадов пустыней, степей, — призывал он, — взгляните в это типическо-своеобразное строение и очертание их азиатских обличей, вникните в этот отличительный склад их степных уставов, миросозерцаний, верований и нравов, послушайте все эти разнообразные языки и наречия. Какой это, вблизи Западной Европы, своеобразный антропологический мир, и как выразительно и рельефно напечатлелся на нем зоолого-географический тип степей!..» (Щапов 1906: 273). Исконный же ареал кочевой культуры располагается «в степях центральной нагорной Азии, в этой родине номадии, в естественном отечестве наибольшей части видов домашних животных и разных рас народных» (Там же: 272).

Номадическая цивилизация формировалась постепенно, вбирая достижения более ранних этапов культурного развития. «Кочевой быт имел предшествующую эпоху развития, имел собственный долгий процесс, — отмечал Ядринцев, — чтобы отлиться в известные формы, а затем связывается с последующими изменениями. В нем, как и вообще в истории человеческого существования, мы видим эволюцию, движение, жизнь, а не смерть» (Ядринцев 2000: 257–258). Под влиянием географических и климатических различий, своеобразия флоры выработались разнообразные типы самого кочевого хозяйства. Кочевая жизнь на равнинах, в горах или лесах имеет свои заметные отличия. «Наблюдая различные формы и виды пастушеской жизни, мы видим, что они обусловлены строго физической обстановкою природы. Изменяется окружающая природа — изменяется и образ жизни» (Там же: 255). Например, в северных районах кочевники дольше остаются на зимних стоянках, чем жители южных степей. Номадический образ жизни всецело подчинен хозяйственной целесообразности. В нем есть свой строго определенный порядок и последовательность действий, обеспечивающих большую экономическую эффективность. «Кочевание и блуждание, — полагал Ядринцев, — не совершаются произвольно; напротив, оно строго соответствует распределению трав и корма скота. Способы кочевки строго распределены, как летовки и зимовки. Поэтому на блуждание кочевника мы не можем смотреть как на прихоть, как на привычку бродяжничать. Это связано с естественными способами пропитания его

скота и его самого. Там, где благоприятствуют условия для постоянного нахождения трав, он замедляет движение и, наконец, располагает скотоводческое хозяйство иногда в одном пункте. Зимовка в последнем фазисе есть постоянное определенное место, собственность кочевника. Мы видим здесь, так сказать, все переходные фазисы от кочевания к оседлости» (Там же: 256). Изменение способов кочевания хорошо видно на примерах переходов от использования кибиток к юртам, от юрт к зимовкам и летовкам. Современные кочевники, замечает Ядринцев на примере племен Южного Алтая, все более тяготеют к оседлому образу жизни. «Нынешних скотоводов, — писал он, — придется признать скорее *полукочевыми* или *полуоседлыми*» (Там же: 257).

С переходом к кочевой культуре связаны крупные цивилизационные достижения человечества. «Ум человека так вошел в жизнь зверя, — писал Ядринцев о звероловном периоде, — что не только очеловечил, но обоготворил его. Но настоящая культурная победа человека совершилась тогда, когда он сделал животное домашним и приручил его. Историки культуры говорят, что изобретение огня было эпохой для людей. Приручение животного еще больше эпохой» (Там же: 260). К заслугам кочевников следует отнести приручение верблюда, коня, яка, быка, овцы. Кочевое хозяйство дало толчок развитию как материальных, так и духовных сил человека. «В кочевом быту, — уточнял Ядринцев, — появилась экономия человеческой силы, замена ее животным — он применяет ее везде» (Там же: 265). Сила животных стала использоваться для перевозки грузов, валяния войлока, молотьбы и т. д. Кочевая культура впервые создала возможность для массового переселения и расселения людей, что интенсифицировало общение между народами, культурные и этнические контакты. «Начало торговли и обмена было уже началом цивилизации. Следовательно, и здесь кочевники подготовили ее почву», — констатировал Ядринцев (Там же: 266).

Кочевое хозяйство способствовало и умственному развитию человека. По словам Ядринцева: «Скотоводческая идиллия, так сказать, умиротворила человеческие сердца и в этой стадии, более чем в звероловной, мы видим духовный и нравственный прогресс» (Там же: 272). Щапов пояснял, в чем стоял культурный прогресс номадизма. «Ум диких пастушеских племен, — писал он, — опознается в общей сфере зоолого-географической среды, опознается в общем пространстве лесной и горной природы и в общей области животного царства. Вследствие этого, намад-пастух, во-первых, распознает и различает индивидуальные формы и типы географические, выходит из лесов и выбирает те или другие, более удобные степи, долины речные или горные равнины, а таким образом, хотя немного, концентрируется в известной местности, делается господином известного, определенного пространства или географической области; во-вторых, выделяется из общей зоологической среды, выбирает известный, наиболее нужный ему круг животных и млекопитающих, приручает, покоряет их своим нуждам, и таким образом становится хозяином известной зоологической группы, или животной породы... Поэтому, пастушеские поселения, выражающие первые признаки умственного стремления к локализации в пространстве природы и к выходу из общей зоологической среды, представляют

естественный переход к прочно-оседлой земледельческой колонизации» (Шапов 1906: 188). Кочевая культура, таким образом, подготовила наступление следующего цивилизационного этапа — оседлости.

Кочевые народы не чуждались оседлых форм хозяйствования. Ирригационное земледелие, выплавление железа и обработка драгоценных камней дополняли скотоводческий быт. Более того, караванная торговля как форма кочевого хозяйства предполагала наличие торговых центров, т. е. городов. Номадическую цивилизацию, таким образом, нельзя отождествлять только со скотоводческой экономикой. Она представляет собой сложную систему взаимодополняющих друг друга форм культурной и хозяйственной деятельности. «Туранский мир, — писал Ядринцев, — развил богатую оседлую культуру в Фергане, Бухаре, Туркестане, точно так же, как уйгурская культура выступила и зародилась из кочевой культуры предшествовавших народов. Все это заставляет ныне изменить несколько точку зрения на жизнь народов древнего Востока, и история открывает нам все более связь, которая соединяла восточную культуру с западной... Распространение культов, религий, а затем азбуки, письменности, как и первых знаний, имели свою историю в Центральной Азии, которые нельзя игнорировать в истории человечества.

Кочевая культура не могла не выразиться и в прогрессе мирозозерцания народов Центральной Азии. Кочевник стал обладать уже известным досугом, который дал ему возможность философствовать, творить, создал богатую фантазию, поощрил мечтательность и создал поэзию; кочевые племена очень певучи, как, например, киргизы (об этой певучести у них есть легенда); мифы и сказки их богаты образами, как и моралью» (Ядринцев 2000: 271). Не только эпическое и мифопоэтическое творчество можно отнести к достижениям номадической культуры, но и астрология у древних туранцев также развивалась под влиянием кочевого быта. Шаманская мифология кочевых народов по своей яркости и работанности не уступала мифологии греческой, а одухотворение природы тюрко-монгольскими племенами подготовило принятие этими народами буддизма.

Ядринцев соединяет характеристики хозяйственной деятельности и мирозозерцания кочевника в целостный антропологический типномада. «Жизнь в азиатских степях и на плоскогорьях Центральной Азии не могла не повлиять на организацию, привычки, склад характера и самую внешность кочевника. Здесь поэтому можно легче изучить все его особенности. Нечего говорить, что кочевой быт создал целую структуру кочевого человека. Кочевник степи не то что горный житель, скрывающийся в скалах и укрывающийся подобно диким орлам. ...Равнины и степи наложили свой отпечаток на человека, его характер и все его занятия. Безбрежная степь дала спокойный, почти унылый характер степняку, она, так сказать, убаюкивала его; занятия скотоводством также содействовали беспечности и ленивому характеру кочевника. Ленивый один, он являлся энергичен и чуток рядом с животным и не может быть цельно понятным, как только рядом со своим конем и овцой. Когда наступает время перекочевки, степняк оживает и его энергия напрягается, тогда он идет дни и ночи и является неутомимым. Кочевая жизнь сделала его неутомимым наездником;

он не любит сходить с коня и лазить, ходить пешком, бегать. Ноги его колесом, как у кавалериста; ступня маленькая. Бега и скачки для него — удовольствие и поэзия. Это своего рода олимпийские игры степи. Кочевник большею частью поджар, и толстых мы редко видели. Если зверолов есть геркулес, то кочевник-наездник — это кентавр, нигде не отделяемый от лошади. Молочная пища — его любимое блюдо. Легко опьяняющий кумыс и располагающий ко сну, делает его еще более ленивым. Все, чем он занимается, это — сторожить стада и пасти их, выучивать лошадей и приручать их. В этом он знаток» (Там же: 264–265). Итак, кочевник — не варвар-разрушитель или завоеватель цветущих цивилизаций, а антропологический тип, носитель кочевой культуры и начал номадической цивилизации.

Кочевая культура позволяла человеку гармонично существовать в тех природных условиях, в которых она возникла. Номадическое хозяйство создавало известное равновесие между человеком и окружающей природой. Ядринцев не случайно называет такое щадящее природопользование «идиллией», сопоставляя ее с ветхозаветными временами. «Пастушеский быт в его идиллии, — проводил он аналогию, — уподобляет человека Адаму, окруженному мирными животными, созданными на его пользу. Это был период первого блаженного покоя и отдыха в долинах и степях. Представление о земном рае могло создаваться только в эту мирно-скотоводческую эпоху. В степях у скотоводов создался патриархальный быт и патриархальные нравы. Затем человек, покорив животное, сжившись с ним, нераздельно олицетворяется в мифическом кентавре, переносящемся повсюду. Этот кентавр-варвар в виде гунна наводит ужас на Европу, кочевой мир создал даже царство амазонок. Впоследствии всадник в виде подобного же кентавра навел панику на индейца и помог Кортесу приобрести для Европы Америку» (Там же: 262).

Изучение кочевого быта дает ключ к объяснению эпохи переселения народов. Влияние передвижений кочевников на историю Европы трудно переоценить. Именно номадические племена, осаждавшие Европу, дали импульс формированию современных европейских народов. «Когда кочевые пастушеские народы Азии, — писал Шапов, — распространители прирученных, одомашненных животных — произвели в Европе так называемое переселение народов, тогда естественно в вековом процессе смешения племен, в борьбе за существование между собою и с животным миром, началось физиологическое развитие и воспитание европейских национальностей. В этом периоде физического роста и склада европейских народов, как жестока была этнолого-политическая борьба национальностей за существование, так же без сомнения жестока была и борьба за существование с животным миром из-за средств жизни» (Шапов 1937: 59). Развивая мысль Шапова, Ядринцев объяснял причины переселения народов экономическими процессами в кочевой среде. «Но должно догадываться, — уточнял он, — первоначально движению даны были импульсы жизненные и двигали массами чисто экономические причины, потребности скотоводческие. Сначала кочевники отнимали друг от друга пастбища. По мере войн и борьбы постепенно развивались здесь страсти завоевательные, на почве которых вырастали чудовищные политические самолюбия ханов-завоевателей. Вы-

йдя из состояния покоя и вступая на путь войн и борьбы, кочевник на своем пути стирал все оседлое и вводил свой идеал кочевой жизни. Но нельзя отрицать, что сама по себе кочевая культура в своей среде создавалась целесообразно, выливалась в формы, которые колебать было трудно» (Ядринцев 2000: 262).

Кочевники пришли в Европу не бескультурными варварами, они внесли в жизнь европейских народов новые цивилизационные начала, обогатили сознание европейцев новыми мировоззренческими принципами. «Когда кочевые племена Азии имели больше распространения и могущества, — писал Ядринцев, — естественно, их культура была богаче... Кочевники в виде племен, нахлынувших на Европу, перенесли свои привычки, моду и свои произведения. Поэтому столкновение варваров и кочевников Азии с европейским миром отразилось заимствованиями и не осталось бесследно. Исторические показания проливают совершенно новый свет на сближение народов, которые, по видимому, старались уничтожить друг друга» (Там же: 268). Европейцы прельстились восточной модой и роскошью, заимствовали одежду, оружие, украшения и орнаменты, привнесенные кочевниками. «Таким образом, — подытоживал Ядринцев, — переселение и передвижение и народов с востока должно рассматриваться не только в смысле нашествия варваров, но и как начало культурного сближения и обмена Востока с Западом» (Там же: 269–270). Переселение народов было эпохой колоссального по своей интенсивности и масштабу культурного взаимовлияния. «Нельзя сказать, — продолжал Ядринцев, — чтобы кочевой мир и азиатские государства остались чужды общечеловеческой культуре. Из Азии переносилось в зародыше то, что получало пышный цвет в Греции, Риме и приобретало изящные формы» (Там же: 270). «С передвижением народов и племен в Азии и из Азии в Европу неизбежно должна была последовать и преемственность культуры, преданий, обычаев и верований» (Там же: 149). Завоеватели не только разрушали, но и воспринимали культуру. Более того, продвижение кочевых племен сопровождалось не только уничтожением покоренных народов, но и смешением племен. Ассимиляционные процессы сопровождали культурное взаимодействие и меняли сам облик номадических народов.

Литература

Щапов А.П. Историко-географическое распределение русского народонаселения. Естественные условия земледельческих поселений в России // Щапов А.П. Сочинения: в 3-х т. Т. 2. СПб., 1906.

Щапов А.П. Реализм в применении к народной экономике // Щапов А.П. Сочинения. Дополнительный том. Иркутск, 1937.

Ядринцев Н.М. Значение кочевого быта в истории человеческой культуры // Ядринцев Н.М. Сочинения. Т. 2. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень, 2000.